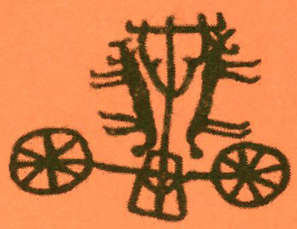
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ



№ 171

РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2005
обязательный экземпляр

О.Б. НАУМОВА

КАЗАХСКИЕ ЖИВОТНОВОДЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

(взгляд антрополога)

Москва
2004

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 171

О.Б. НАУМОВА

КАЗАХСКИЕ ЖИВОТНОВОДЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

(взгляд антрополога)

Москва
2004

ISBN 5-201-13758-x (32)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 171.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 171

О.Б. НАУМОВА

КАЗАХСКИЕ ЖИВОТНОВОДЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА
(взгляд антрополога)

Исследование проведено при поддержке
Комитета по сельскому хозяйству и безопасности пищи
Глобального бюро, Агентства США
по международному развитию (ЮСАИД),
грант ЗСУ-П-98-00036-00

Издание осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Об авторе

НАУМОВА Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН. Основные направления исследований – этнография казахов, этнокультурное взаимодействие народов Казахстана, современные этнические и миграционные процессы у казахов, антропология экономических реформ в постсоветском Казахстане.

About the Author

NAUMOVA, OLGA BORISOVNA

Ph.D. (candidate of historical sciences), senior researcher at the Department of Central Asia and Kazakhstan in the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Major themes of research - ethnography of the Kazakh people, ethnocultural interactions among peoples of Kazakhstan, contemporary ethnic processes and migrations of ethnic Kazakhs, anthropology of economic reforms in post-Soviet Kazakhstan.

,

Summary

NAUMOVA, OLGA B. THE KAZAKH CATTLE-BREEDERS IN THE END OF THE 20TH CENTURY (anthropological view at economic reforms)

The report is based on the author's field materials gathered in West-Kazakhstan Oblast of Kazakhstan in 1998-2000. The modern situation in cattle-breeding is characterized by liquidation of large state farms and considerable decrease of live-stock. Questions about functioning of new peasant farms and adaptation of rural population to contemporary economic conditions are discussed.

ВВЕДЕНИЕ

Радикальные перемены последнего десятилетия на постсоветском пространстве, связанные с переходом от социалистической системы хозяйствования к рыночной экономике, отразились во всех сферах общественной жизни. Новые реалии поставили перед этнографами и социальными антропологами проблему изучения «антропологии трансформаций»[1], основным аспектом которой является анализ изменений в поведении людей, исследование моделей и стратегий их действий в новой экономической ситуации. Эта тема становится еще более актуальной, когда речь идет о традиционном для целого народа способе хозяйствования, определявшем до последнего времени образ жизни значительной части сельского населения. В этой работе мы будем говорить об экономических реформах в животноводстве Казахстана и их влиянии на население сельских животноводческих районов республики.

Конечно, кочевое скотоводство, которое в свое время сформировало этнографический облик казахов, давно перестало существовать именно как хозяйство номадов. Постепенное оседание кочевников-казахов, изменения в их хозяйстве и образе жизни происходили в первую очередь по границам территории расселения народа[2]. Присоединение к России, установление административных границ, изъятие пастбищ под пашни для крестьян-переселенцев привели к постепенному уменьшению амплитуды кочевания казахов, развитию у них сенокошения и земледелия и появлению постоянных жилищ. Эти процессы детально описаны в этнографической литературе[3].

Эволюционный характер изменений был взорван революционными преобразованиями советского государства, захватившими и Казахстан. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. казахи были насильственно переведены на оседлость, их хозяйства коллективизированы. События тех лет унесли жизни около 2 млн. человек, поголовье скота резко сократилось (с 1929 по 1933 год в 10 раз)[4]. Таким образом, с 30-х гг. XX в. скотоводство казахов пришло в упадок и постепенно утратило характер кочевого.

С этого времени и до начала 1990-х гг. скотоводство (животноводство) в Казахстане было вписано в колхозно-совхозную систему. К середине XX в. сложилась следующая форма ведения животноводческого хозяйства. Подавляющая часть поголовья принадлежала государству, колхозники и рабочие совхозов имели небольшое, четко регламентируемое количество скота в личном хозяйстве. Для выпаса такого количества скота не требовалось кочевания всей семьи. Колхозных и совхозных овец и лошадей выпасали чабаны и табунщики. Им зачастую отдавали на выпас и личный скот. Они гоняли его на сезонные пастбища, зимовали с ним в определенных местах – зимовках. Обычно овец обслуживала вся чабанская семья: престарелые родители чабана и его жена работали помощниками чабана или сакманщиками, в работу вовлекались и дети во время каникул. Без большой натяжки можно сказать, что чабанские семьи продолжали вести полукочевой образ жизни. Основная же часть населения жила оседло в поселках, обеспечивая условия для работы чабанов и занимаясь деятельностью, не требующей кочевания. Такой «советский» способ ведения животноводства сохранялся вплоть до реформирования аграрного сектора, предпринятого правительством Казахстана в начале 1990-х гг. «Советская» организация животноводства породила определенные проблемы, характерные для плановой экономики. С одной стороны, неестественно большая для кочевого скотоводства концентрация скота и превышение оптимального количества поголовья в 3–4

раза привели к концу 1980-х гг. к стравливанию огромного количества пастбищ[5]. С другой стороны, ощущалась большая нехватка чабанских кадров: полукочевая, оторванная от сельского сообщества жизнь не привлекала молодежь, профессия чабана перестала быть престижной.

Кочевое скотоводство в современном мире переживает глубокий кризис. По мнению А.М. Хазанова, существуют два основных типа модернизации традиционного скотоводческого хозяйства, осуществленных к сегодняшнему дню в разных странах. Первый заключается в «коммерциализации скотоводческого хозяйства путем трансформации самих скотоводов в капиталистических производителей – собственников фермерских хозяйств типа американских ранчо». Второй тип представляет собой коллективизацию скотоводства и перевод кочевников на оседлость[6]. Мы полагаем, что современные экономические реформы животноводства в Казахстане – это попытка перейти от модернизации второго типа (социалистической) к модернизации первого типа, капиталистической. Настоящая работа посвящена этим «капиталистическим преобразованиям» в казахстанском животноводстве, отношению к ним сельского населения и их социальным последствиям.

Изучать современное состояние животноводства в Казахстане автор смог, участвуя в проекте «Влияние экономических реформ на животноводство в Центральной Азии», который осуществлялся Университетом Висконсин-Мадисон (США) и финансировался Агентством по международному развитию (USAID) через Глобальную программу поддержки сотрудничества в исследовании скотоводства (CRISP)[7]. Мы работали группой от 2 до 4 человек в Западно-Казахстанской области (далее – ЗКО) Казахстана в 1998–2000 гг. преимущественно в животноводческих районах с казахским сельским населением: Акжаикском, Джангалинском, Казталовском, Каратобинском, Срымском, Теректинском и Урдинском[8]. В исследовании использовались социологические анкеты[9], которые содержали вопросы о современных типах хозяйств, их рентабельности, бюджетах семей, отношении людей к проводимым реформам и т.п. Однако в ходе работы стало ясно, что с помощью только социологического опроса нельзя достаточно глубоко понять характер преобразований и отношение к ним различных групп населения. Поэтому во время последней поездки к животноводам мы в основном использовали этнографические методы работы: неформализованные беседы, наблюдения и т.п.

Пользуясь возможностью, благодарю Анатолия Михайловича Хазанова, который предложил автору участвовать в Висконсинско-Центральноазиатском проекте. Эта работа не могла бы состояться без помощи Сании Сагнаевой, которая не только самоотверженно работала во всех экспедициях, но и проделала огромный труд по переводу собранных интервью с казахского на русский язык. Я глубоко признательна остальным участникам экспедиций – Аяну Каспанову, Яне Лукпановой и Жубанышу Хайрушину за их добросовестный труд и дружеское участие в осуществлении проекта.

ЖИВОТНОВОДСТВО В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

Изменение форм собственности в животноводческом секторе экономики

Экономические реформы независимого Казахстана в сельском хозяйстве, в частности в животноводстве, имели целью смену собственника средств производства. Предполагалось, что разгосударствление совхозов и передача скота крестьянам, которые могли бы затем объединяться в кооперативные хозяйства, стимулируют личную заинтересованность новых мелких хозяев и повысят эффективность животноводства. Одновременно государственная поддержка животноводства была сведена к минимуму.

Ликвидация государственных коллективных хозяйств была осуществлена в первой половине 1990-х гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество разгосударствленных совхозов в ЗКО

1991	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*Итого*
1	22	14	67	2	106

Данные Статуправления ЗКО

С 1992 г. большинство совхозов стало преобразовываться в коллективные предприятия (КП), а затем в сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК). Наряду с СПК было организовано небольшое количество товариществ с ограниченной ответственностью (ТОО). Некоторые, в основном племенные хозяйства, стали акционерными обществами (АО). Все эти сельхозпредприятия считались правопреемниками совхозов, однако после этих преобразований собственность на скот перешла из рук государства к хозяйствам, построенным на принципах кооперации. Доля госсобственности свелась к минимуму (часть пакета акций в АО).

В 1998 г. произошло массовое расформирование СПК и организация на их месте новых ТОО, число последних за этот год увеличилось почти в шесть раз (см. табл. 2). Параллельно с организацией и преобразованием сельхозпредприятий с 1991 г. шел процесс возникновения крестьянских хозяйств (КХ). На протяжении всего десятилетия отдельные семьи выходили из состава совхозов, КП, СПК, ТОО и начинали хозяйствовать самостоятельно или же объединялись в КХ.

Сохранение крупных хозяйств в виде АО было характерно только для племенных хозяйств. Что касается неплеменных животноводческих хозяйств, то их разукрупнение, начавшееся в 1992 г., продолжалось все последующие годы. После ликвидации СПК, число которых за один год с 1997 по 1998 сократилась в четыре раза, очередь дошла до ТОО.

Во время наших поездок по ЗКО все руководители этого типа хозяйств считали бесперспективным хозяйствование без государственной поддержки и были настроены на банкротство или самороспуск. Даже считающиеся успешными ТОО с поразительной быстротой растрачивали свой скот. Одно из таких хозяйств Джангалинского района, о главе которого все наши информаторы отзывались как о «сильном» руководителе, к 2000 г. практически лишилось скота. По данным сельхозотдела районного акимата, в ТОО осталось всего 493 лошади, в то время как в предыдущем году, по нашим анкетным данным, у него было 800 лошадей, 1700 овец, 30 верблюдов, а в 1997 г. – 4000 овец, 1300 лошадей и 30 верблюдов.

По мнению наблюдателей, в ТОО процветало воровство как среди руководителей, так и среди рядовых членов (воровали корм для своего личного скота, зерно и проч.) По всей видимости, отсутствие перспектив ТОО, в большой степени было связано с тем, что эта форма организации сельскохозяйственного производства унаследовала худшие черты коллективных хозяйств советского времени – незаинтересованность работников в результатах труда, специфическое советское отношение к общественной собственности и патерналистские настроения руководства.

Самым многочисленным типом хозяйств в современном Казахстане стали крестьянские хозяйства. Несколько человек или семей объединялись для совместной работы и отдавали паи (в основном скот), полученные ими при разделе имущества совхозов, в общую групповую собственность КХ. Обычно свой личный скот члены КХ не объединяли. Юридический статус КХ имели два существенно различающихся типа хозяйств: хозяйства, состоящие из нескольких не связанных родством семей (коллективные), и КХ, состоящие из близких родственников (семейные). Число первых фактически убывало, а вторых – возрастало.

Таблица 2

Число сельхозформирований в ЗКО в 1995-1999 гг.

Типыхозяйств	1995	1996	1997	1998	1999
СПК	151	198	201	49	33
АО	12	12	15	8	7
ТОО	19	29	25	145	194
КХ	893	2161	2239	2820	3276

Данные Статуправления ЗКО

Таким образом, количество людей, занятых в крупных хозяйствах на протяжении всего десятилетия неуклонно уменьшалось, а число самостоятельных хозяев увеличивалось. Так, к примеру, совхоз в пос. Косарал Срымского района ЗКО до 1991 г. объединял 400 семей (100 % населения поселка), в 1995 г. в совхозе насчитывалось 200 семей. После преобразования его в КП, в этом новом сельхозпредприятии осталось 160 семей. В сменившем его СПК в 1997–1999 гг. было 120 семей, а в образовавшемся после ликвидации в 1999 г. СПК товариществе с ограниченной ответственностью – только 54 семьи (по уставу ТОО не должны объединять более 50 семей). Остальные семьи объединились в крестьянские хозяйства или не вошли ни в какие сельхозформирования, часть семей уехала в город или другие поселки. Типичной в конце последнего десятилетия XX в. стала такая структура занятости населения в животноводческих районах ЗКО: около 10 % населения поселка объединяет ТОО, около 20 % – несколько КХ и 70 % составляют единоличники[10].

Соответственно происходило и перераспределение скота между новыми собственниками. Если в начале 1990-х гг. большинство поголовья находилось у сельхозпредприятий, к которым, по казахстанской статистике, причисляются совхозы, ПК, СПК, АО и ТОО, то к концу десятилетия подавляющая доля поголовья находилась в руках частных лиц.

Таблица 3

Соотношение скота в хозяйствах разных типов в 1991, 1995 и 1999 гг. (в %)

Годы	Типы хозяйств	КРС	Овцы, козы	Лошади
1991	С/х предприятия	64.4	76.9	70.3
	КХ	0.1	0.9	0.6
	Личные хозяйства	35.5	22.2	29.1
	Итого	100	100	100
1995	С/х предприятия	46.1	62.8	55.9
	КХ	1.4	3.2	2.1
	Личные хозяйства	52.5	34.0	42.0
	Итого	100	100	100
1999	С/х предприятия	5.4	9.2	8.3
	КХ	9.9	12.1	13.2
	Личные хозяйства	84.7	78.8	78.5
	Итого	100	100	100

Подсчитано нами по данным Статуправления ЗКО

Итак, к концу XX в. одна из целей аграрной реформы в Казахстане – разгосударствление сельхозпредприятий и смена форм собственности в животноводстве – была достигнута. Подавляющая часть скота перешла в руки частных собственников.

Сокращение поголовья

Однако численность всего поголовья скота в области в рассматриваемый период сократилась в несколько раз: крупного рогатого скота (КРС) более, чем в два раза, овец и коз более, чем в четыре раза (см. табл. 4). Поголовье лошадей уменьшилось с 105,8 тыс. в 1991 г. до 61,4 тыс. в 1999 г. Как видно из таблицы, падение поголовья началось в 1994 г., на который приходится пик деятельности властей по расформированию совхозов (см. табл. 1).

Таблица 4

Поголовье скота в ЗКО с 1991 по 1999 год (тыс. голов)

Год	КРС	%	Овцы и козы	%
1991	761.4	100	2443.2	100
1992	785.9	103.2	2348.9	96.1
1993	792.8	104.1	2396.0	98.1

1994	730.1	95.9	1934.0	79.2
1995	631.1	82.9	1490.5	61.0
1996	444.1	58.3	904.4	37.0
1997	373.3	49.0	760.1	31.1
1998	346.3	45.5	603.9	24.7
1999	337.5	44.3	572.9	23.4

Подсчитано нами по данным Статуправления ЗКО

Таким образом, хотя та доля скота от всего поголовья области, которая находилась в личных хозяйствах населения, значительно выросла, но количество животных в этих хозяйствах реально не увеличилось – оно практически не изменилось с советских времен. За десять лет аграрных реформ государственный скот не только был перераспределен между другими собственниками, но и на 80 % утрачен. Причины этого – отсутствие государственной поддержки, диспропорция между ценами на животноводческую продукцию и ценами на промышленные товары и топливо, продажа скота как единственного источника «живых» денег. В этих условиях сельхозпредприятия и КХ тратили скот на приобретение горюче-смазочных материалов (ГСМ) и запчастей, а население – на удовлетворение собственных потребностей и поддержание личного хозяйства. Какая-то часть скота была использована недобросовестными руководителями для своего обогащения.

В 1999–2000 гг. в связи с уменьшением поголовья в области и практическим отсутствием скота в соседних областях цены на мясо возросли. Это, вероятно, одна из причин небольшого роста поголовья КРС в личных хозяйствах населения.

Таблица 5

Поголовье скота в личных подсобных хозяйствах населения ЗКО (тыс. голов)

Годы	*КРС*	*%*	*Овцы, козы*	*%*
1991	269.4	100	542.9	100
1992	305.2	113.3	566.5	104.3
1993	329.0	122.1	641.9	118.2
1994	338.5	125.6	556.0	102.4
1995	331.3	123.0	506.4	93.3
1996	285.7	106.0	389.8	71.8
1997	283.9	105.4	498.4	91.8
1998	273.1	101.4	439.4	80.9
1999	285.9	106.1	450.9	83.0

Подсчитано нами по данным Статуправления ЗКО

Обратим внимание на то, что больше растрачиваются овцы, чем КРС. Так как корова для бедных слоев сельского населения является зачастую единственным средством пропитания семьи, то «пороговый» показатель для КРС, вероятно, выше, чем для овец. Возможно, что падение численности КРС остановится (в 1999 г. она даже немного выросла), а поголовье овец будет сокращаться и дальше.

Общий упадок животноводства в области сказался и на разведении племенного скота. За последнее десятилетие XX в. его количество сократилось более чем на половину.

Крупный рогатый скот. В ЗКО до расформирования совхозов было два хозяйства, занимавшихся разведением мясной породы КРС – казахской белоголовой: совхоз «Анкатинский» (пос. Анкаты современного Теректинского района) и племзавод «Чапаевский» (пос. Шагатай современного Акжаикского района). Оба хозяйства имели по 5 тыс. голов племенного скота.

В 1994 г. на месте совхоза было образовано АО «Анкатинский», а племзавод преобразован в АО «Шагатай». Оба предприятия переживали трудные времена и к 1998–1999 гг. оказались на грани банкротства. У АО «Анкатинский» продаж племенного скота за это время не было, хозяйство пыталось выживать за счет зерновых. К 2000 г. хозяйство растратило 80 % племенного скота.

АО «Шагатай» к 1998 г. имело 50–60 млн. тенге долга государству. После процедуры банкротства, его дочернее предприятие АО «Чапаевский племзавод» с июня 2000 г. начало самостоятельное существование без долгов, но с активами АО «Шагатай». В 2000 г. оно имело 3,5 тыс. голов племенного КРС.

Овцы. Племенных овец эдильбаевской породы разводило ОАО «Бирлик» (Джангалинский район), которое было организовано на месте Бирликского племзавода в 1993 г. За время существования ОАО количество племенных овец уменьшилось более чем в два раза – с 22 тыс. до 10 тыс. голов. В тех же размерах уменьшился и другой скот хозяйства (КРС с 1700 до 700 голов). Долг ОАО государству и Фонду поддержки в 2000 г. составлял 11 млн. тенге. Причины растраты племенного скота те же, что и у других хозяйств. По словам замдиректора ОАО, весь приплод уходил на то, чтобы купить запчасти, солярку и продукты, для выплаты зарплаты рабочим.

Лошади. Лошади кушумской породы разводились на Пятимарском и Красногорском племзаводах (Джангалинский район).

Пятимарский племзавод в начале 1990-х гг. имел 3000 голов племенных лошадей. Когда началось разукрупнение хозяйств, племзавод прошел те же стадии разукрупнения, что и другие хозяйства, вплоть до ТОО. Весь скот, племенной и неплеменной (в хозяйстве было еще 3 тыс. КРС, 10 тыс. овец), был роздан населению. Сейчас в Пятимаре нет племенных лошадей. Часть поголовья погибла во время трудной зимовки.

«Лошадей сейчас никто не держит. Все, что было поголовье породистых лошадей, нам разделили. Пришла установка сверху, вот и разделили весь скот. А что из этого получится, мы сами этого не понимали. Теперь никто не сможет удержать породистое поголовье, ни одна семья. Некоторые сразу вынуждены были резать племенное поголовье. Резали себе на согум (зимний забой скота – *Авт.*). *Сейчас ничего не осталось»* (Ерболат Г., Пятимар).

Неплеменное поголовье КРС частично сохранилось. В 2000 г. в Пятимаре было 35 крестьянских хозяйств, но племенных лошадей они не держали.

Красногорский племзавод имел 2000 лошадей кушумской породы. В 1992 г., когда по указанию сверху из совхозов выделяли фермеров, из Красногорского племзавода выделили хозяйство Ибраима Сергазиева, одного из авторов этой породы, который всю жизнь занимался разведением кушумских лошадей. Сам себя он называет «отцом лошадей кушумской породы». Ему дали 400 лошадей, в 2000 г. у него оставалось около 250.

И в Красногорском племзаводе, как и в Пятимаре, часть племенного скота была роздана населению. «*Частники не могли удержать племенной скот*, – говорил нам зам. окружного акима. – *Продавали по 45 тыс. тенге, на согум*». Все же директору племзавода удалось сохранить часть поголовья лошадей в ТОО «Исатай», а после его банкротства в ТОО «Кушум», получившего статус племзавода, а также в созданном им крестьянском хозяйстве «Наурыз». Всего у него 150 племенных кушумских лошадей.

Таблица 6

Поголовье племенного скота в обследованных племенных хозяйствах

Вид скота	*Порода*	*Начало 1990-х*	*2000 г.*	*Потери*
КРС	Казахская белоголовая	Около 10 000	4000–5000	45–50 %
Овцы	Эдильбаевская	22 000	10 000	54,5 %
Лошади	Кушумская	5 000	400	92,0 %

Остальные лошади, даже если они сохранились у населения, племенными считаться уже не могут, так как в личных хозяйствах племенная работа, учет и документация не ведутся.

Таблица 6 помогает оценить потери племенного скота в обследованных нами племенных хозяйствах за время экономических реформ.

ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Разорение крестьянских хозяйств

Сегодня крестьянские хозяйства стали наиболее многочисленным типом хозяйства в ЗКО (как и во всем Казахстане). Как правило, просуществовав 2–3 года после своего возникновения, большая их часть разорялась. Однако в статистических данных эти процессы не отражены. К 2000 г., по мнению работников отдела сельского хозяйства Джангалинского акимата, 50–60 % КХ уже не имели скота. Утратили скот в первую очередь коллективные КХ, так как они владели «общественным» скотом, полученным на паи. Личный скот в таких хозяйствах никогда не объединяли. Семейные же КХ, даже растратив паевой скот, оставались со своим личным скотом. Крестьянское хозяйство без скота фактически переставало функционировать как экономическая единица, но юридически продолжало существовать, так как его ликвидация требовала определенных условий. По закону, КХ могло быть распущено, если не оставалось ни одного члена хозяйства, если было объявлено банкротство, или же если оно сдавало свой земельный пай.

Недолгая история большинства крестьянских хозяйств показывает, что большинство сельских жителей не смогло приспособиться к новым экономическим условиям; становится также ясно, почему и каким образом произошло значительное сокращение поголовья. Приведем примеры типичных разорившихся крестьянских хозяйств. Случай разорившегося коллективного КХ, продолжавшего существовать на бумаге – хозяйство «Игилик» Маштексайского аульного округа образовалось в 1997 г. Его возглавил 36-летний бывший управляющий отделением совхоза, человек с высшим сельскохозяйственным образованием. Вот как он описывал образование КХ в Маштексае: *«Собрали всех и сказали, что надо разделиться на КХ. Выбирайте, кто к кому пойдет. Пишите заявление. И я не знал, что я буду главой, и никто не знал… Никто не приехал сверху, специалист какой-нибудь, никто ничего не объяснил. Раньше у нас было 4 отделения, а нас разделили на 24 отделения (т.е. образовалось 24 КХ – Авт.). Мы сами не знаем, как все это было”.*

КХ «Игилик» объединило 13 семей, получило скот (21 голову КРС, 33 лошади, 500 овец, 2 верблюда), технику (2 трактора, 1 машину) и просуществовало только один год: *«Мы до 1998 г. работали, мучились, но скот весь пошел на нет… в 1999 г. ушел весь скот… В 1998 г. мы по сути расформировали КХ, т.е. раздали весь скот. А сейчас у нас осталась только техника».*

В 2000 г. из 13 семей в КХ числились три (самого руководителя КХ, тракториста и водителя).

Основные причины растраты скота две. Первая – это высокие цены на горючее и дешевые на скот. В связи с этим расходы на содержание скота превышали доходы, получаемые от животноводства: *«На бартер уходил скот: 100 л солярки – 1 баран. Нам нужно 3,5 т солярки. Тогда баран очень дешево стоил. За 1,5 тыс. тенге не могли продать. Просили, чтобы купили у нас за 1,5 тысячи». «За всё скот нужен, поэтому общий скот и уходил все время. 20 л масла – 1 баран. Сколько же нужно скота?! 1 мешок муки стоил одного барана».*

Вторая причина – это специфическое отношение сельских жителей к «общественному» скоту: *«Психология у людей знаете какая? Все решили, что скот, который дали, который был в КХ – дармовой. Свой скот берегли, не резали, а скот КХ резали. У кого-то свадьба, еще что-то. Один приходит, второй приходит, а если третьему не дашь, он говорит, а почему ты мне не дал, а тем двум дал? Вот поэтому у нас весь скот КХ быстро кончился».*

Такие КХ переставали быть производящими хозяйствами; они превратились в держателей техники и контору для выдачи справок. Из 24 КХ в этом поселке фактически осталось 3 или 4 хозяйства, остальные распались. Такие же разорившиеся КХ, ос-

тавшиеся с одной техникой, зафиксированы нами в Красногорском аульном округе.

Еще одно фактически, но не юридически, расформированное коллективное КХ – бывшего чабана из Красногорского аульного округа. В 1997 г. в КХ входило 25 семей, у него было 30 КРС, 10 лошадей, около 300 овец. В 2000 г. скота у КХ уже не было. Но не было и решения о банкротстве. Руководитель хозяйства собирался вести свое личное хозяйство со своими родственниками – сыновьями и младшим братом. Таким образом, это коллективное КХ, разорившись, преобразовывалось в семейное, что также было типично для развития крестьянских хозяйств. По словам зам. акима Красногорского аульного округа: *«Пайщики КХ не понимают, что им дали пай, например, 30 голов КРС, 20 голов овец, 30 голов лошадей. Они пасут их и требуют зарплаты. Глава КХ говорит: "Это же наш скот! Если я дам зарплату, надо скот продавать. Одной головы не хватит, надо 10 голов продать". За год можно весь скот растратить, зарплату получать. Они не думают, не понимают, они привыкли, что работали в совхозе, пасли скот и получали зарплату. И сейчас пасут скот, опять хотят зарплату. Не понимают, говорят: "Я же тружусь". Бывают разногласия. Берут свой пай и уходят. Говорят, лучше отдельно жить, чем пасти скот. И живут отдельно. Основной костяк КХ остается – родственники: сын, брат, сестра мужа, зять. Остальные чужие люди сами по себе уезжают, уходят»*.

Большинство разорившихся коллективных КХ продолжало существовать еще и потому, что действия районной администрации были направлены на сохранение техники. К 2000 г. сформировалась такая практика использования техники: *«Держат обычно одного тракториста-механизатора, ему оплачивают его труд. Тракторист зарабатывает на этом тракторе. Он ухаживает за ним. И он будет отрабатывать для всех членов бывшего КХ. Они платят за ГСМ и зарплату. Это трактор общего пользования. Некоторые с 1998 г. так начали делать, некоторые с этого года». «Руководитель КХ определяет очередность пользования трактором. На сенокосе, например, 10 дней одна семья, 10 дней вторая и т.д. Те семьи, которые не ушли из КХ, пользуются этой техникой без проблем. Им всегда всё дается. Те, которые не входят в КХ, они тоже могут прийти к руководителю КХ. В таком случае он учитывает традиции взаимопомощи, обычно помогает»*.

О количестве бесскотных крестьянских хозяйств можно судить по имеющимся у нас статистическим данным 1999 г. по некоторым аульным округам Джангалинского района. Число таких хозяйств составляло от 10 до 72, в среднем около 40 %. Однако и в остальных КХ скота было не много. По нашим наблюдениям, подтвержденном статистическими данными отдела сельского хозяйства районного акимата, в каждом районном округе существовали 1–2 крупных КХ, остальные же имели мало скота, а большинство их находилось на грани банкротства. Мы располагаем данными 2000 г. о количестве скота у КХ по Копжасарскому аульному округу Джангалинского района: в 17 КХ было 137 КРС, 8962 овец, 522 лошади и 136 верблюдов. Из них в КХ Сундеткалиева этого округа (он же глава ТОО) было 98 КРС, 7395 овец, 426 лошадей и 98 верблюдов; в другом крупном КХ – 30 КРС, 858 овец, 33 лошади и 28 верблюдов. Таким образом, на оставшиеся 15 КХ приходится по 0,6 КРС, 47,3 овец, 4,2 лошади и 0,7 верблюдов.

В Новой Казанке (Джангалинский район), по сведениям местного акима, в 2000 г. из 16 КХ осталось только 5 наиболее устойчивых КХ. Однако по официальным отчетам в этом округе фигурируют все 16 КХ. Сколько из них превратились в семейные КХ руководителя, а сколько выполняли роль распределителя техники и конторы по выдаче справок, трудно судить. По информации районного сельхозотдела, в этом году в районе стали семейными 61 КХ. Можно сказать определенно, что происходит процесс массового «мельчания» КХ – по статистическим данным на 1999 г., из 164 КХ Джангалинского района ЗКО в 156 ра-

ботало не более трех человек и только в пяти КХ – 15 и более человек.

В будущем количество мелких семейных КХ будет увеличиваться. В 2000 г. в Джангалинском районе образовалось 80 новых семейных крестьянских хозяйств, еще не включенных в статистические сводки. Это было связано с так называемой персонификацией земли, начавшейся в 2000 г. Если раньше земельный пай выдавался формально и в документах было отмечено лишь количество земли, то с 2000 г. каждому выделялся конкретный участок земли. А семья, закрепившая за собой землю, автоматически объявлялась крестьянским хозяйством.

Отметим еще одну закономерность: распадались хозяйства, созданные сверху в директивном порядке. В то же время были случаи создания КХ «снизу», по инициативе бывших членов хозяйств, имевших «отрицательный» опыт работы в коллективном хозяйстве. Как правило, они создавали семейные хозяйства. Об одном из таких случаев нам рассказала Алтын Канджигалиева (местный коммерсант), муж которой работал в коллективном КХ: *«В 1997 г. муж вошел в состав КХ. Сейчас хочет уйти. Не нравится, что руководство не возмещает паев, прячет скот, прячет паи. Мы решили взять свои паи и уйти. Часто здесь руководители КХ собирают скот и не отдают приплода, прячут приплод. Получается, что роста никакого не происходит, и мы остаемся с паем того размера, какой и был, или еще меньше. А когда объединялись люди в КХ, они рассчитывали на то, что они будут получать приплод. Бывают случаи, когда судятся с руководителем КХ, чтобы вернуть свой скот вместе с приплодом».*

Муж Алтын решил создать собственное КХ со своими родственниками: *«Три брата решили объединить личный скот, внести по 200 овец, собрать всех коров и держать скот на какой-то ферме, где их родственник живет. Братья будут доставлять ему сено и все, что необходимо. Скот они хотят закупить на деньги, которые они получат за сено. В прошлом году они запаслись соляркой заранее, поэтому рано начали сенокос и надеются получить на этом прибыль и на вырученные деньги закупить скот».* Деньги Алтын, полученные от коммерции, тоже пошли в это КХ. Раньше Алтын никогда не брала скот в обмен на товары, если же у мужа будет свое крестьянское хозяйство, то такой обмен станет выгодным.

Успешные крестьянские хозяйства

Небольшое количество крестьянских хозяйств, продолжавших более-менее успешно существовать в новых условиях, по-разному приспосабливалось к изменившимся экономическим обстоятельствам. С некоторой долей условности их можно разделить на «традиционные», «советские» и «новые».

«Традиционные» хозяйства. Крестьянские хозяйства этого типа ведут традиционное, насколько это возможно в современных условиях, хозяйство. Все они – семейные предприятия. Обычно «традиционное» КХ возглавляет пожилой отец (или мать), который всеми делами распоряжается сам. Он не доверяет сыновьям, младшим братьям ответственной работы, они лишь выполняют его указания, даже если формально главой КХ записан сын.

«Мой старик, когда болел, перед смертью сказал завещание: "Никогда с сыновьями не советуйся. Никогда у них не спрашивай, отдать что-то или не отдать. Решай все сама. Не выпускай власть из своих рук. Пока ты есть, командуй всем сама"» (Меруерт А., мать главы КХ); *«Нам надо покупать бензовоз солярки. Завтра собираюсь поехать. Сам езжу. Сына пошлешь, сами знаете, никто не принимает детей* (сыновья Ибраима С. женаты, сами имеют детей – *Авт.*)*... Дети не могут договориться с любым человеком, не могут попасть на прием к областному начальству. Они не знают никого. Даже братишка, ему 50 лет... даже он никаких дел не может делать»* (Ибраим С.).

«Традиционные» КХ находятся как правило на зимовках, где их главы работали еще в советское время чабанами, управляющими дальних отделений и т.п. Там же живет и вся большая семья главы хозяйства.

Эти хозяйства занимаются только животноводством. Для них «богатство казаха – это его скот»: *«Основная наша работа – это скот», «Скот – это наша еда, наши деньги», «У нас нет никакой коммерции. Мы только животноводством занимаемся, у нас только скот», «Если потеряется скот, то и жизнь кончится. Мы не занимаемся коммерцией. Наше дело растить скот, не уменьшать. Вот этим мы только и живем, и впредь так будем делать», «Мы только со скотом занимаемся. Мы коммерсанты своего скота»*. Скот стараются копить, не тратить *(«Мы не часто продаем овец. Только если уж совсем приспичит»*).

Зерноводством, бахчеводством и тем более коммерцией эти хозяйства не занимаются. Все они косят сено, но сено, как правило, не продают, а заготавливают для своего скота.

На рынке им отводится пассивная роль. Чаще они не сами ездят продавать скот, а ждут, когда к ним приедут коммерсанты – купят скот, привезут ГСМ. Они не ищут покупателей на шерсть и шкуры *(«Шерсть никто не берет. Остается вся у нас. Никто ее не ищет, не просит, не закупает», «Шкуры иногда увозят, иногда остаются»*). Даже зная, что скупщики скота из Атырау (бывш. Гурьев) дают бóльшую цену за скот, они продают скот местным коммерсантам, если те приезжают первыми *(«Мясо все коммерсантам уходит. Коммерсанты приезжают и увозят. Приезжают из Актау, из Гурьева. Есть даже из нашего аула. Кто приедет, тот и забирает»*). Специально скот на продажу они не выращивают.

Основные факторы успеха «традиционных» хозяйств – это, во-первых, хорошие стартовые условия. Эти хозяйства были выделены из состава совхозов во время перестройки в качестве показательных фермерских хозяйств. Они получили большое количество скота, земли, техники, а некоторые даже специально отстроенные благоустроенные зимовки. Во-вторых, потребности этих семей, ведущих во многом натуральное хозяйство, были традиционно невелики. Вот как характеризовал одно из таких хозяйств (хозяйство Сундета И.) зам. акима Красногорского аульного округа: *«Они не продают ни масло, ни молоко. Мясо в случае необходимости продают или меняют… Просто живут. Но сами вполне довольны жизнью. Этого скота (60 коров, 200 овец) им вполне хватает, чтобы нормально существовать. На 60 коров можно одну или даже две машины купить. А они еще получают 60 телят в год… У старика есть машина. Но он поставил ее в гараж и замуровал ее. Лет 15 стоит уже. Сам не может ездить – старый. А дети ничего не соображают в технике. Сельхозтехники у них нет никакой. Сено они покупают* (вероятно, меняют на скот – *Авт.*)*. Им привозят к дому, нет проблем».*

Вот пример другого хозяйства – шести братьев: *«Баранов держат, другой скот – нормально. Света нет. Они вообще об этом не говорят, это для них не проблема, им вообще не нужен свет. Они привыкли так жить».*

Перспективы этих хозяйств, исходя из того, что сказано выше, мне представляются не вполне благополучными. Дети нынешних глав хозяйств, возможно, уже не будут так беречь скот. Это чувствуют и сами «отцы». Например, Ибраим С., коневод, рассказывал: *«Мне некоторые говорят: “Почему ты все детям своим не раздашь? Что ты все держишь?” А детям если раздашь, ничего не останется. Я сейчас шумлю, кричу, а эти 200 голов лошадей держу. А дети – в карты начнут играть, обманут их. Пообещают что-то дать, а сами не дадут ничего. Заберут. А это лошади породистые».*

Случай, когда дети наследовали хозяйство отца-фермера, представляет хозяйство «Дархан» Джангалинского района. Жангельды Т. был одним из трех фермеров, выделившихся в 1991 г. Ему дали 500 голов КРС. После его смерти в 1995 г. хозяйство приняли три его сына. Получив наследство, сыновья купили две подержанные легковые машины, новую «Волгу» и ГАЗик. К 2000 г. в хозяйстве оставалось только 60–70 голов КРС, 30 овец, 10 лошадей. Мать так объясняет упадок хозяйства: *«Когда отец умер, дети молодые были* [34, 32 года и 25 лет – *Авт.*], *они не умели ничего делать, у них не было ника-*

кой самостоятельности. Но все им осталось. Что-то у них получается, что-то не получается. Никто им не помогал, никто ими не руководил после смерти отца».

Патриархальные семьи «традиционных» хозяйств не воспитывали самостоятельности в своих сыновьях, не готовили их к роли хозяев, которую им придется взять на себя после отцов. Уже сейчас некоторые из детей «традиционных» фермеров учатся в городе (чаще – дочери). Это тоже не способствует сохранению скромных запросов и потребностей этих семей. Вероятно, «традиционные» хозяйства смогут удержаться как успешные до конца жизни нынешнего поколения крупных фермеров. Затем они начнут приходить в упадок, а если будут успешно развиваться, то их успех будет связан не с их «традиционностью», а с другими факторами.

«Советские» КХ. «Советскими» эти хозяйства названы потому, что их возглавляли бывшие «советские хозяйственники» – директора совхозов, ставшие затем директорами СПК, потом – руководителями ТОО. Крестьянские хозяйства «под себя» они создали еще будучи руководителями этих сельхозформирований и после банкротства последних остались со своими КХ (некоторые еще продолжают возглавлять ТОО). Эти КХ фактически являются преемниками совхозов, хотя юридически не имеют к ним отношения.

«Советские» КХ, как правило, были многочисленны. Например, среднегодовая численность работающих в хозяйстве «Сундеткалиев» составляла 81 человек, а КХ «Канат» – 28 человек (руководители обоих КХ – бывшие директора совхозов). В 2000 г. это было наибольшее число занятых в крестьянских хозяйствах Джангалинского района.

«Советские» КХ – крупные хозяйства. Основной костяк техники совхозов перешел к ним, также как и часть совхозного (СПК, ТОО) скота разными путями переходила в директорские хозяйства. (В КХ «Сундеткалиев» в 2000 г. было 14 тракторов, 8 автомашин, 2 комбайна, 98 голов КРС, 7395 овец, 426 лошадей, 98 верблюдов; в КХ «Канат» – 300 голов КРС, 1,5 тыс. овец). По своим масштабам эти хозяйства выходили на уровень АО. Например, КХ «Сундеткалиев» в 1999 г. больше всех других хозяйств района заготовило сена, а в 1998 г. сдало шерсти на уровне овцеводческого АО «Бирлик».

Руководители таких КХ имели большой опыт руководства крупными хозяйствами и большими коллективами. Связи, наработанные ими еще в советские времена, с другими хозяйствами, с такими же руководителями как они, с поставщиками горючего и заготовителями животноводческой продукции, с районным и областным начальством помогали им решать производственные проблемы, неразрешимые для «простого» руководителя КХ.

«Советские» хозяйства стали активными участниками рынка. Как крупные хозяйства они хотели бы иметь дело с крупными покупателями их продукции – мясокомбинатами, государственными организациями. Не имея такой возможности в настоящее время, их руководители стараются продавать скот только тогда, когда это наиболее выгодно.

Можно предположить, что в дальнейшем в этой группе КХ произойдет смена собственника. В 2000 г. эти хозяйства представляли собой коллектив пайщиков, но все их развитие шло к тому, чтобы у них остался один собственник – руководитель КХ. В конце 1990-х гг. большинство руководителей таких хозяйств уже расплатилось с пенсионерами, вложившими свой пай в такие КХ, но реально не работающими в нем[11]. Возможно, такая же участь ждет и современных пайщиков, которые станут в таком случае наемными работниками в хозяйстве «советского» руководителя.

Отметим существенную разницу между «традиционными» и «советскими» хозяйствами. «Советские» КХ не замыкаются на жи-

вотноводстве, занимаясь и другими видами деятельности. Если для «традиционных» фермеров хозяйство определяет их образ жизни, то у руководителей «советских» КХ производственная деятельность отделена от их частной жизни и жизни их семей. Так, руководитель КХ «Канат» жил в райцентре и оттуда руководил своим КХ в Новой Казанке и более дальних поселках.

«Новые» КХ. Эти хозяйства наиболее приспособлены к современным экономическим условиям Казахстана благодаря личным качествам своих руководителей – их возглавляют люди, главные черты которых – инициативность, самостоятельность, умение делать бизнес. Это – «новые» казахи. Рано почувствовав суть экономических перемен, они в начале 1990-х гг. первыми стремились выйти из совхозов, но тогда им не разрешали завести собственное хозяйство. Например, руководитель КХ «Даулеш» Акылбек Д. давно хотел хозяйствовать самостоятельно: *«Я просился раньше выйти из совхоза, в 1993–1994 гг. Я говорил* [первому секретарю района]*: "Идут новые времена, надо распускать совхозы". Мы хотели выйти из совхоза… очень много ходили, просились…, но так и не смогли выйти. Отпускали тех, кто блатные»*.

В 1990 г. писал заявление о выходе из совхоза и Булат У.: *«Я хотел выйти, хотел быть сам собой, но нам этого не дали. Мы хотели открыть свой счет, продавать совхозу нашу продукцию и хозяйничать самостоятельно. Мы хотели быть примером для других, но нам не разрешили выйти»*.

Главной целью руководителей этих КХ было не сохранение скота, а получение прибыли. Поэтому все они имели несколько направлений хозяйственной деятельности, и животноводство было лишь одним их них. Так, Акылбек Д. имел 4 магазина в поселке. Прибыль от этих магазинов позволяла ему иметь живые деньги, выдавать членам КХ зарплату продуктами и тем самым уменьшать количество скота, шедшего на бартер. В результате ему удалось увеличить количество скота КХ в расчете на каждого члена хозяйства.

Булат У. также имел магазин и, кроме того, занимался заготовкой шерсти для АО «Аяз». В планах у него была сдача в аренду зимних пастбищ и организация токарной мастерской в поселке. В сфере животноводства его КХ было четко нацелено на рынок. Оно закупало молодняк, а старых овцематок продавало. В 1997 г. КХ купило 10 голов КРС и 1000 ягнят, в 1998 г. – 583 ягненка, в 2000 г. – 382. *«Я постоянно закупаю скот, меняю скот. Покупаю молодняк, после получения приплода продаю»*, – рассказывал Булат У. Мясо или живой скот возят в Атырау и Актау, а на вырученные деньги закупают ГСМ, которые реализуют в своем районе.

У руководителей «новых» КХ всегда есть наличные деньги, и это дает им большие преимущества перед другими КХ. Таким предпринимателям-животноводам легче получить кредит, так как у них есть залог в виде имущества их прибыльного бизнеса. На сформировавшемся рынке животноводческой продукции «новые» КХ активно ищут выгодные условия сбыта и выращивают скот с прицелом на сбыт. Рыночная психология руководителей этих КХ помогает им улавливать конъюнктуру рынка, избирать те виды деятельности, которые приносят доход. Фактор их успеха – в гибкости хозяйства и способности менять виды деятельности в зависимости от прибыльности того или иного дела. Главную роль, как представляется, тут играет личность руководителя. Эти люди не надеются на помощь государства и действуют в тех условиях, какие предлагает им современная жизнь Казахстана. Именно незашоренность представлениями о том, «как должно быть», позволяет им находить выгодные для своего хозяйства пути существования. У «новых» крестьянских хозяйств не было большого стартового капитала и доступа к ресурсам, как у «традиционных» и «советских» КХ, поэтому они были мельче

последних. Однако они динамично развиваются и имеют большой потенциал для дальнейшего существования.

СЕЛЬСКОЕ КАЗАХСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Если выше мы рассматривали положение животноводческих хозяйств и их руководителей, то в этом разделе речь пойдет о том, как в экономических условиях Казахстана конца XX в. жили и хозяйствовали обычные сельские жители животноводческих районов ЗКО. Как ясно видно из таблицы 3, подавляющая часть скота в это время находилась, говоря языком статистики, в «личных хозяйствах населения»: в них было сосредоточено 84,7 % голов КРС, 78,7 % овец, 78,5 % лошадей от всего поголовья области. Это – личный скот и членов различных сельхозпредприятий, и сельских жителей, не вошедших ни в какое коллективное хозяйство. Из 5310 дворов Джангалинского района 4735, по статистическим данным районного сельхозотдела на 2000 г., держали скот. По тем же данным, у населения имелось 31 438 голов КРС, 103 305 овец, 6665 лошадей, и таким образом на один двор в среднем приходилось по 6,6 голов КРС, 21,8 овец и 1,4 головы лошади.

Бесскотные и бедные семьи

По данным Джангалинского районного сельхозотдела, доля бесскотных личных хозяйств составляла в среднем около 10 %. Однако в реальности эта цифра, видимо, выше. Так, зам. акима Кызылобинского аульного округа насчитал 60 семей, которые жили без скота (по официальным данным – 23 двора). Бóльшая часть семей, видимо, держала по 2–3 коровы (информация из Джангалинского и Зеленовского районов), но были и такие, что имели 60–70 голов КРС.

Как было отмечено ранее, количество скота у населения сохранялось практически без изменений на протяжении десятилетия. Человек уходил из состава КХ, забирая свой пай скотом, но, как правило, количество скота в его личном хозяйстве не увеличивалось. Что же делали люди со своим паем? *«Сразу продают. Режут на согум скот. Без пая же у него есть свой личный скот, 2–3 головы КРС. И он опять остается со своим личным скотом»* (Тимур О., зам. акима Красногорского аульного округа).

Такое положение было характерно для всей области. Руководитель разорившегося СПК из Зеленовского района Майдан Ж. в 1999 г. был вынужден раздать 300 голов КРС в счет зарплаты. По его словам, к 2000 г. *«они* (бывшие члены СПК – *Авт.*) *их съели давно».* Лишь единицы сохранили этих коров на молоко. То же самое, только в еще большем масштабе произошло с паями при расформировании совхозов и СПК. Тогда скота было больше, однако, по-видимому, мало кто сумел им воспользоваться. Большинство стремилось быстро потратить неожиданно свалившееся «богатство». Зам. акима Красногорского аульного округа рассказывал: *«Скот, который был получен на паи – они думали, что дармовое это,... дармовой скот. Я им объяснял: "Это же орудие труда, чтобы выжить, потом работать. Государство вам дало". А он говорит: "Я заслужил"». «Когда были паи, все их продавали и покупали машины. Новые, подержанные. В основном подержанные. А их содержать очень сложно сейчас. 100 легковых машин в одном только поселке (Красногорское). Много машин, которые вышли из строя, а налог на них платить надо. Легче ликвидировать эти машины вообще».*В Пятимарском аульном округе, по оценке местного акима, парк частных машин увеличился со времени роспуска совхоза 50 до 127 машин.

Отметим, что одним из факторов, сдерживавших рост поголовья скота у населения, являлись трудности обеспечения скота кормами из-за дороговизны горючего. По словам одного из информаторов, люди держали столько скота, сколько могли прокормить, а не сколько им было нужно для жизни.

Бедным, по мнению местной администрации, можно было считать тех, кто имел 1–2 коровы. Даже те, кто держал 2–3 головы, стояли на пороге бедности, так как, продав одну корову, семья лишилась бы потенциального приплода. Обойтись же без продажи скота сельское население не могло.

Как уже сказано выше, существовала группа бесскотных семей. Какую-то часть бесскотных хозяйств составляли служащие районных центров, которые могли жить без скота, получая зарплату из бюджета, однако остальные влачили нищенское существование, о чем очень эмоционально рассказывали наши информаторы: *«У нас в Уральской области, в Урдинском, Джанибекском, в дальних округах Джангалинского района люди без хлеба сидят. Хотят выйти, пешком – волки съедят. Дома сидеть, денег нет. Ко мне сейчас много людей приходит, нанимаются работать. Вот женщина пришла. Сама пришла. "Я хочу тебе помочь. Коров могу доить". У нее дома дети. Еды нет никакой. Я ее не приглашал. Завтра мешок муки или два, чай, сахар ей дам. Я ей говорю: "Мне не надо работников". А она пришла, говорит: "Не надо, мне ничего не давай, так буду работать". А как же я ей не дам, если она работает. Таких сейчас очень много»* (Ибраим С., фермер).

Таким людям очень сочувствуют, однако есть понимание, что многие из этих людей несут свою долю ответственности за собственное плачевное положение: *«Сколько зданий, сколько сооружений в поселках! Все сейчас без присмотра… Все вырывают, увозят. И что? Думаете, пользу из этого какую-нибудь извлекают? Продают все, распродали. Хорошо, если еду себе купили. А то ведь водку покупают. Как они семью кормят, не знаю!». «Еще знаете, как у людей-то: один купил, и второму надо такое же. Он будет расстраиваться, что не может такую же одежду купить. Молодежь говорит: "Почему я не могу есть то, что другие едят?" И идут, и продают последнюю корову. Пока все не прикончат, едят как все, живут как все. А потом нет ничего. А в школу, знаешь, очень много детей не могут ходить, у них обуви нет, они босиком. Вот у нас 7–8 семей сидели, их дети вообще не могли в школу пойти»* (Есмурза М., фермер).

Зачастую у беднейших семей были минимальные потребности: *«Нам здесь много не надо. Если 4 тыс. тенге в месяц, то нам хватит на продукты: муку, сахар, чай и проч. Пенсий у нас нет. Конечно, если большая семья, то 4 тыс. не хватит, но нам хватает. Скота у нас нет. Живем на пособия детей. Для двоих детей еще пособия есть».*

Многие информаторы говорили, что бедняки живут на детские пособия. Кому-то помогали родственники или более зажиточные соседи. В Красногорском аульном округе бедным помогали зажиточные фермеры: кто-то дал корову на ураза-айт, которую местный акимат разделил между бедными, кто-то выделил бесплатное сено и питание для бедняков. В Новой Казанке при получении пенсии собирали по 30 тенге с человека для помощи беднейшим семьям.

В связи с обнищанием населения в области распространилось воровство скота. Все наши собеседники считали, что крадут свои же аульные. Особенно воровство было распространено в районах, расположенных около города, т.к. здесь было легче сбыть мясо. Так, из СПК Майдана Ж. Зеленовского района за 5–6 лет существования этого хозяйства украли 250 коров. У него самого за два дня до нашей беседы прямо со двора увели двух дойных коров. В этом районе, по словам информаторов, люди стали держать меньше скота из-за воровства. Особенно трудно пожилым людям, которые не могут дать отпор бандитам.

В пригородных районах воруют не только скот, но и бахчевые, и овощи. *«Если посадишь картошку, выкапывают на следующий же день, потому что очень много бедных, попросту нечего есть»* (В. Ч., с. Круглоозерное; М. Ж., с. Колесово, Зеленовский район). В органы милиции потерпевшие в большинстве случаев не обращаются, так как воров практически никогда не находят, а поездки в отделения милиции и суды отнимают много средств, о чем писала и местная пресса. Вот информация в газете «Приуралье» из с. Фурманово Зеле-

новского района: *«На селе много случаев краж животных. Участкового милиционера нет, если и есть – непостоянный. Сообщить о краже трудно – не работает связь. Даже если пострадавший сам приводит вора с признанием в правоохранительные органы, его через три дня отпускают на свободу. Люди от отчаяния, поймав вора, сами записывают на магнитофонную кассету его показания и сдают в правоохранительные органы. Пока безрезультатно».* Тут же был описан случай, как потерпевшие несколько раз ездили в суд, заседание которого не состоялось из-за отсутствия ответчика[12]. В этой же газете упоминалось о воровстве скота в с. Переметное. Все эти поселки находятся недалеко от Уральска.

Натуральный обмен в сельской местности

Одним из очевидных проявлений кризиса на селе стал дефицит денежных средств. В конце 1990-х гг. большинство людей осталось без оплачиваемой работы. Те люди, которые стали членами СПК, ТОО или КХ, в подавляющем большинстве случаев получают зарплату натурой (сеном, скотом, продуктами), а не деньгами, так как сами сельхозпредприятия чаще не продают свою продукцию, а меняют. Более-менее постоянным источником наличных денег для части сельского населения стали пенсии и детские пособия, для медицинских работников, учителей и служащих – зарплата.

В этих условиях люди очень широко стали практиковать обмен продуктов животноводства на нужные товары: *«Сейчас все друг с другом меняются,* – рассказывал зам. акима Красногорского аульного округа. – *Например, 2 кг рожков – банка сметаны, или я тебе пачку сигарет, а ты мне молоко… У меня есть айран, сметана. Я меняю на рожки. В денежном выражении здесь ничего нет… Иногда водку, спирт привозят, меняют на продукты. Коммерсанты для своей семьи используют эти продукты или меняют на солярку. Во всем натуральный обмен. Сейчас никто ничего друг другу бесплатно не дает. За бутылку водки – банку масла. Если, например, ко мне гости пришли, а мне нужна водка – меняю».*

С коммерсантами, привозящими из Алма-Аты или Уральска промышленные товары, сельские жители, особенно в отдаленных поселках также стараются расплатиться не деньгами, а яйцами, маслом, ягнятами, курами, гусями.

Скот в этом натуральном обмене занимает значительное место. Обычно его используют для более крупных сделок – покупки ГСМ, машин. Некоторые меняют скот на сено, муку. Скотом расплачиваются за работу и услуги, например, ремонт машины, сварку, за услуги таксистов и многое другое. Нам рассказывали о случае, когда крестьянское хозяйство расплачивалось скотом с водхозом, который открывал каналы для орошения.

Скот на селе превратился в капитал, который можно при необходимости быстро превратить в деньги. Богатые фермеры нередко покупают в городе для детей квартиры. Например, семья Меруэрт А. купила в Уральске квартиру, для чего ей пришлось продать двух верблюдов за 100 тыс. тенге и другой скот. Семья Умит Б. построила новый дом, а чтобы получить деньги на его строительство, продавала овец. По словам односельчан, у них было 1–2 тыс. овец, а после постройки дома осталось около 200. Однако на рынке сбыта скота простым сельчанам отводилась пассивная роль. Судя по словам местных акимов, стесненные обстоятельствами люди продают скот первому же приехавшему скупщику, не реализуя всей возможной выгоды.

Экономическая активность населения

Большинство сельского населения пассивно наблюдало за меняющимися экономическими условиями, покорно переходя из совхозов в СПК, из СПК в ТОО, из ТОО в КХ, становясь все беднее и беднее. Однако были и такие, кто стал искать выход из создавшегося положения – люди разного возраста, образования, личностных характеристик – от сельского бизнесмена, создавшего собственное крупное предприятие, до пенсионера, решившего продавать продукты

своего небольшого хозяйства на местном базарчике. Уже говорилось об активных руководителях КХ, сумевших наладить прибыльное хозяйство – некоторые из них еще в советские времена стремились к самостоятельному хозяйствованию.

Менее инициативные сельские жители начали предпринимать усилия для выхода из экономического тупика много позже, когда их жизнь резко ухудшилась. Одним из таких выходов для трудоспособных людей, потерявших и работу, и скот, стал наемный труд в богатых хозяйствах. В 2000 г. в Пятимарском аульном округе в хозяйстве Роберта Хона на его бахчах и луковых плантациях работало 127 человек. Он их кормил и рассчитывался деньгами и луком. Плата за обработку 1 га лука составляла 20 тыс. тенге (около 130 долларов). Другие крупные хозяйства также нанимали работников, но не в таких размерах, не более 10 человек.

Другой способ заработать связан с выпасом скота. В каждом округе Джангалинского района находятся 5–6 человек, которые собирают у населения молодняк и гонят его на хорошие пастбища. На джайляу такие бригады живут в вагончиках или юртах. Поздней осенью они возвращают скот хозяевам.

Тот, кто сумел сохранить скот, особенно коров, могут получать доход от продажи молока. Этот вид заработка распространен преимущественно в пригородных районах. Нередко в Уральске по утрам можно слышать крики постоянно приезжающих к «своим» домам продавцов: «Молоко! Сметана! Творог!». Продают свои молочные продукты и на базаре, и просто на улице. К примеру, семья Амантая А. из с. Долинское каждую неделю приезжала в Уральск и на улице продавала масло, сметану и творог, полученные с надоев их собственных 4–5 коров. Вообще торгуют молоком «с земли» много людей: они стоят вдоль тротуара и продают молоко в пластиковых 1,5–2-литровых бутылках, которые ставят прямо на землю. Такое молоко было очень дешево – 17 тенге за литр. Однако его покупают только беднейшие горожане. Чуть более зажиточные предпочитают брать молоко в магазине или покупать у знакомых им людей.

Жители поселков, расположенных вокруг Аксая, где идут разработки газового месторождения, везут молоко туда – в Аксае работало несколько иностранных компаний, и уровень жизни аксайского населения был выше, чем в Уральске. *«Бидонами, сколько могут в руках унести, молоко в Аксай возят. К автобусу муж помогает поднести. Жена доедет, продаст, переночует, утром приезжает обратно в поселок. Из поселков сейчас больше не в Уральск едут, а в Аксай продавать»,* – рассказывал наш городской информатор. Жители отдаленных районов ЗКО продают молоко и масло на рынках в районных центрах, где находятся покупатели из местных жителей, не имеющих скота.

Энергичные и инициативные люди в новых экономических условиях занялись скупкой скота. За последнее десятилетие XX в. одновременно с разрушением государственной системы закупки животноводческой продукции сформировалась даже особая группа мелких предпринимателей – скупщиков скота. Им продают скот практически все хозяйства, как личные, так и коллективные.

Фермеры и простые аульчане сами не могут везти мясо на уральский базар: *«Колхознику никто не даст на базаре мясо продавать. Он без коровы отсюда уедет. Его рэкет накроет, и на базар даже не пустят»* (Малика Х.). Перекупщики стоят вдоль всех дорог, ведущих к Уральску, с автомашинами, на которых прикреплены таблички «Мясо».

Скупщики скота делятся на местных (аульных), городских (из Уральска) и приезжих (из Атырау и Актау). Как правило, каждый скупщик работает в «своем» районе и в чужой старается не заходить: существуют неформальные договоренности о распределении районов между некоторыми группами скупщиков, зафиксировавшие сложившееся положение вещей. Расплачиваются скупщи-

ки скота в основном наличными деньгами. Однако раньше в отдаленных районах можно было менять скот на продукты: *«Они мне заказывают, что привезти,* – рассказывала скупщица Капиза, о том как она работала в 1995–1998 гг. – *керосин, мыло хозяйственное. Бедолаги все спирт заказывали. Я привожу. Муку, сахар возила им», «Но сейчас всегда наличкой».*

Как уже говорилось, были широко распространены сделки обмена ГСМ на скот. Один из аульных скупщиков скота, Сапар Т. из Джангалы, менял скот на машины, которые он пригонял из России (помимо этого, он скупал скот и за наличные деньги).

Цены на скот с середины 1990-х гг., времени его массовой продажи, сильно изменились. Когда в 1995 г. скупщица из Уральска Капиза начинала «заниматься мясом», оно стоило 55 тенге за 1 кг, а в 2000 г. в среднем по области закупочная цена говядины была 100 тенге/кг. Цены на говядину с 1998 по 2000 гг. поднялись в 1,5–2, а на баранину – и в 3 раза. Это было связано с общим уменьшением поголовья в ЗКО и высокими ценами на мясо в Атырауской и Актауской областях[13] (по сведениям наших информаторов, 1 кг говядины в Атырау стоил 350 тенге). Как вспоминал Каиргали Ж., раньше, когда баран стоил мешок муки, коммерсанты привозили муку и грузили целые машины овец и увозили их. Скупщики из Атырау рассказывали, что в Каратобинском районе можно было загрузить машину КРС (10–15 голов) только с одного двора, т.е. люди продавали сразу по 10–15 коров.

Бизнес скупщика приносил большую прибыль. В 2000 г. скупщики имели по 5–10 тенге прибыли с каждого килограмма мяса. По мнению руководителя Центра поддержки малого и среднего бизнеса, скупщики-коммерсанты могли за месяц вернуть кредит в миллион тенге. Так, Сапар Т., благодаря доходам от скупки скота, смог расширить свой бизнес – купить хладобойню, строить в Джангале магазин и пекарню. Капиза, занявшись «мясом», вернула долг сына (5 тыс. долл.) из-за которого ей и пришлось начать этот бизнес. Кроме того, она купила четырехкомнатную квартиру себе, и квартиры всем своим детям – пятерым дочерям и сыну. Причем на собственную квартиру ей хватило денег от выручки за два месяца. Помимо материальной выгоды, «мясо» помогает налаживать новые связи. *«Когда мясо есть, проблем нет. И с начальством все проблемы легко решаются». «Мясо все двери открывает»* (Капиза).

В то же время это опасный бизнес. Той же Капизе приходилось с пистолетом отражать нападение грабителя. Она всегда ездила по районам с оружием.

Бывая во многих областях и районах Западного Казахстана, скупщики могут быть неплохими экспертами по состоянию животноводства в регионе. По их оценкам, на 2000 г., в Западном Казахстане (Актауская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области) скот остался только в ЗКО. В Актюбинской области скота было мало и плохого качества. В бывших скотоводческих районах этой области, например в Байганинском, скота не осталось совсем. Не было скота в Актауской области: *«Там тупик. Там зато есть деньги у людей – там нефть, а продуктов питания там нет. Продукты питания везут из Уральска. Цены на продукты там высокие, все там привозное».*

В Атырауской области скот еще оставался, но в значительно меньшем количестве, чем в ЗКО. Так же, как в Актау, в Атырауской области шло развитие нефтегазовой промышленности, цены на мясо были высокими и заниматься скупкой скота было выгодно.

К 2000 г. скот в ЗКО тоже сохранился неравномерно. Значительное поголовье существовало в Джангалинском и Казталовском районах. В традиционно животноводческом Каратобинском районе, по сведениям скупщиков, многие распродавали свой скот и переезжали в Аксай, где шло освоение газового месторождения. Наблюдая ситуацию в

животноводстве на протяжении последнего десятилетия XX в., все скупщики констатировали резкое уменьшение скота в ЗКО за это время. Наши эксперты – руководители мясоперерабатывающих цехов и мясокомбинатов, также как и скупщики, считали имевшееся в 2000 г. количество скота в ЗКО «пороговым», дальше которого оно не должно было снижаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие XX в. животноводство в ЗКО находилось в очень неустойчивом, динамичном состоянии. Было неясно, остановится ли сокращение поголовья скота. Происходили постоянные преобразования животноводческих хозяйств. В связи с убыванием поголовья положение переработчиков животноводческой продукции также было нестабильным. Существовала большая нестыковка сырьевой базы области с перерабатывающими предприятиями: шерсть у сельских производителей «гнила», а Уральскому комбинату по переработке шерсти не хватало сырья; население не могло продать молоко, а крупные молокозаводы работали в половину мощности из-за нехватки молока и т.д. Причина этого крылась в практическом отсутствии товарных животноводческих хозяйств, измельчании всех видов сельскохозяйственных предприятий, сокращении поголовья и ухудшении качества скота, с одной стороны, и неумении организовать закупку сырья в новых условиях – с другой. В сложившейся ситуации переработчикам приходилось заводить собственное поголовье.

Лучше обстояло дело с рынком мяса. Благодаря группе мелких предпринимателей-скупщиков скота города ЗКО и соседних областей бесперебойно снабжались мясом, а животноводы могли продавать свой скот. В связи с сокращением поголовья цены на скот и мясо росли.

Отсутствие государственной поддержки при диспропорции цен на мясо и горючее привело к глубокому кризису в животноводстве, выразившемуся, в частности, в сокращении поголовья в несколько раз. Одна из причин кризиса заключалась в том, что большинство сельского населения не смогло найти новый способ собственного существования в условиях реформ и оказалось не готово к радикальным переменам в жизни – очень сильны были патерналистские настроения, отсутствовали навыки самостоятельного хозяйствования. Это «пассивное» большинство приспосабливалось к все более ухудшающемуся положению – научилось жить без денег, без электричества, без газа и т.п.[14] Однако постепенно формировался новый класс товаропроизводителей животноводческой продукции, появилось небольшое число сельских хозяев, ответивших на вызов рыночной экономики. Это – инициативные, энергичные и образованные люди, просчитывающие рентабельность той или иной деятельности, гибко реагирующие на смену запросов рынка. Они смогли создать прибыльные хозяйства, сочетавшие несколько направлений – нерентабельное в современных условиях животноводство они поддерживали доходами от коммерческой деятельности, бахчеводства, заготовки и продажи кормов и т.д.

По-видимому, дальнейшее развитие животноводства в Западном Казахстане пойдет по этому, «капиталистическому», пути – укрепления средних и крупных фермерских хозяйств, которые дадут работу и части сельских жителей. Незанятое население будет вынуждено переселятся в города. Очевидно, что возврата к кочевому скотоводству – «обратной номадизации» – не происходит и вряд ли произойдет, хотя именно сейчас для этого сложились благоприятные материальные условия: высвободилось большое количество хороших пастбищ; скот находится в частной собственности населения. Однако за годы модернизации «по-советски» были утеряны ценности кочевой жизни. Как

лаконично высказал эту идею наш информант, один из самых успешных сельских предпринимателей Каратобинского района ЗКО, *«у казахов на лбу не написано, что они должны всю жизнь скот пасти»*. Скотоводство перестало быть деятельностью, формирующей образ жизни казахов, превратившись в одно из многих других хозяйственных занятий сельского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тишков В.А.* Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. 2000. № 1.

[2] *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы; М., 1995. С. 247.

[3] Из обширной литературы, посвященной этому вопросу, укажем на исследование тех же районов, в которых проходила наша работа: *Харузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889.

[4] *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 63; *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 124–125.

[5] *Масанов Н.Э.* Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Вып. 22. М., 1993. С. 109–110.

[6] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. С. 39–44.

[7] *Шапиро К.* Животноводческий сектор Центральной Азии в условиях экономики переходного периода: исследовательский проект Университета штата Висконсин (США) и сотрудничающих организаций Центральной Азии // Материалы международной конференции «Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике» (Санкт-Петербург, 5-6 июня 1997). М., 1997.

[8] *Наумова О.Б.* Отчет о полевой работе в Западно-Казахстанской области Казахстана в 1998 г. по программе «Влияние экономических реформ на животноводство в Средней Азии». Отчет № 1. Мэдисон, 1999; она же. Структура животноводческих хозяйств в Западно-Казахстанской области в 1999 г. По материалам полевых работ 1999 г. Отчет № 5. Мэдисон, 2000.

[9] *Калышев А.Б.* Анкеты социологического исследования современного скотоводства в Казахстане: анализ и характеристика // Материалы международной конференции «Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития» (Алматы, 12-13 января 1999). М., 1999.

[10] См. конкретные примеры: *Наумова О.Б.* Структура животноводческих хозяйств… С. 7.

[11] Там же. С. 24.

[12] *Ибатов А.* На отшибе? Письмо в редакцию // Приуралье. 08.06.2000. С. 2.

[13] По словам скупщиков, это было связано с тем, что в этих областях скота почти не осталось, а деньги у населения были, так как там шла интенсивная разработка нефтяных месторождений.

[14] Подробнее об этом см.: *Наумова О.Б., Сагнаева С.К.* Антропология постсоветских изменений в сельском Казахстане: жизнь в условиях кризиса // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 5 (готовится к печати).